

Выводы:

Первый важный вывод, который мы можем сделать, заключается в том, что перевод является обучаемым, потому что, с одной стороны, это ремесло, и, следовательно, доступно как и другие ремесла; с другой стороны, он тесно связан с обучением языку, хотя необходимо различать эти два процесса.

Следующий важный момент заключается в том, что преподавателям необходимо учитывать, что обучение переводу и обучение целевому языку – это два разных процесса, для которых используется один подходящий эклектический метод.

Полагая, что перевод является обучаемым ремеслом, преподаватели должны помочь своим студентам получить представление о природе перевода и признать необходимость теории перевода для совершенствования переводческих и языковых навыков. При этом игнорирование выше упомянутого момента приводит к путанице у студентов, отсутствию мотивации, а также потере интереса к учебной программе.

Литература:

1. Слепович В. С. Курс перевода / В. С. Слепович. Минск: ТетраСистемс, 2005.
2. DUFF, Alan. Translation. 5. ed. – Oxford: Oxford University Press, 1996.
3. Newmark, P. Approaches to Translation. – Hertfordshire: Prentice Hall, 2007.
4. Newmark P. About translation. – UK: Multilingual Matters LTD, 2001.
5. Pienemann, M. Is language teachable? Psycholinguistic Experiments and Hypotheses //Applied Linguistics.– 2001.– Vol. 10, No. 1, p.52-79.

С. М. Аснер,
Иркутский государственный лингвистический университет,
г. Иркутск, Россия

Адекватность передачи аксиологических аргументативных стратегий при переводе статей экономической тематики

Требования нашего времени таковы, что быть в курсе последних событий экономической жизни должны быть фактически все, а не только профессионалы в этой области. Задачу освещения этих

событий выполняют такие публицистические издания, как The Economist и The BusinessWeek. Так как издания направлены на достаточно широкую аудиторию, перед авторами стоит цель не только передачи информации, но и развлечения читателей. Таким образом, статьи этих изданий зачастую представляют собой стилистически яркие и интересные образцы аргументативных текстов.

В данном контексте тот факт, что эти статьи переводят сравнительно редко, представляется достаточно странной тенденцией. Да и те переводы, которые удастся найти, не обладают равноценной доказательностью и экспрессией – по большей части, они представляют собой либо пересказ разной степени подробности, либо сухой научный текст, воспринимаемый с гораздо большим трудом, чем оригинал.

Одной из причин данной проблемы, по нашему мнению, является несоблюдение в переводе очень часто использующейся аргументативной стратегии оригинальных статей – по термину А. А. Ивина, «аргументации в поддержку ценностей» [4, с. 174].

Именно ценностные аспекты оценки часто игнорируются переводчиками, хотя они играют определяющую роль в построении рассуждения, являясь глубинным оценочным стереотипом [3].

Разумеется, выбор стратегии «аргумент к ценности» в данном контексте не случаен – её использование при освещении экономической ситуации очень эффективно, и на это есть несколько причин.

Прежде всего, экономика как наука возникла из этики и до сих пор обнаруживает связь с этическими учениями, поэтому упоминание ценностного аспекта при рассуждении об экономических ситуациях обычно бывает уместно даже в эксплицитной форме [6]. Импликация же позволяет достигнуть ещё большего воздействия на адресата, так как задействуют психологические функции ценностных концептов. Главным образом, это единение автора с аудиторией и упорядочивание индивидуальных ценностей согласно задуманной автором иерархии [8].

С точки зрения когнитивных преимуществ, обращение к ценностям облегчает восприятие. Ценности играют роль объединяющего, центрального концепта для всей системы рассуждений, таким образом, глубинная причинность оценок авторов становится понятна широкому кругу читателей (при условии, что

читатель разделяет ценности автора). А с учетом ещё одной психологической функции ценностей, проектирующей, аксиологическая аргументативная стратегия становится удобным инструментом моделирования гипотетических ситуаций [5].

Кроме того, одной из форм «аргумента к ценностям» является аналогия, которая может быть представлена метафорой («Любая аналогия – за исключением тех, что представлены в застывших формах, подобно притчам или аллегориям, – способна спонтанно стать метафорой» [4, с. 172]), что позволяет оживить текст статьи стилистически, и одновременно воспользоваться высоким манипулятивным потенциалом и убедительностью метафор и аналогий.

Однако эта многофункциональность стратегии «аргумент к ценности» становится также камнем преткновения множества переводческих проблем. Передача особенностей аргументации является, в данном случае, функциональной доминантой, поэтому может считаться критерием адекватности перевода [9]. И семантическая, и стилистическая, и прагматическая составляющие текста [2] оказываются обусловлены аксиологической стратегией аргументации автора.

Для начала рассмотрим семантическую адекватность, так как на этом уровне при переводе возможны достаточно серьезные фактические ошибки. Возникают эти ошибки на уровне интерпретации: при неправильно определенном критерии оценки смещается акцент, и смысл может измениться до прямо противоположного. Хорошее здание, заметил как-то Спиноза, – это всего лишь плохие развалины [4, с. 170].

Вопрос терминологии? Именно так. И даже терминология может приобретать неоднозначность, если ценностный контекст определен неверно.

Следующий перевод является примером такого изменения смысла с точностью до наоборот:

Three's company. / Трое – уже молна.

Today's decisions by three central banks in Asia and Europe were not a concerted effort, but they all eased monetary policy, albeit in different ways. [16] / Недавние шаги трех Центробанков в Азии и Европе нельзя назвать совместными усилиями, но как бы там ни было, все они ослабили политику, хоть и по-разному [12].

В статье доказывается необходимость совместных действий, сотрудничество – центральный ценностный концепт аргументации, который содержится в заголовке «Three's company». *To ease policy*, действительно, имеет соответствие – «ослабить политику». Однако толпа – явно негативное определение. И если три банка – это толпа, то их действия определенно критикуются. В результате, в этом контексте актуализируются другие значения глагола «ослабить» – сделать слабее, причинить вред. Перевод заголовка, актуализирующий положительный оценочный контекст, выглядел бы следующим образом: «Третий – не лишний».

Аргументация в поддержке ценностей может осуществляться различными способами: по соответствию цели, по аналогии, по количественным параметрам или же в форме общей оценки (т. е. «хорошо», «плохо», «безразлично») [4, с. 174]. В случае неверной интерпретации способа аргументации возможна не только конкретизация, приводящая к искажению аргумента, как в предыдущем примере, но также может возникнуть соблазн прибегнуть к генерализации до общей оценки, которая не всегда уместна. Вот пример неудачной генерализации в статье: *Some things are familiar: the odd bits of violence, a lot of coherent ranting and plenty of inconsistency* [13]. / *Сегодня тоже слышны знакомые лозунги и видны старые приметы* [11].

Посылка статьи же состоит в том, что государственная машина подходит к проблеме по-дилетантски – эта мысль содержится в подзаголовке «*Tackle the causes, not the symptoms*» / «*Устранить причины, а не симптомы*». Центральный ценностный концепт статьи – мастерство, профессионализм в государственной системе. Поэтому важнее то, что в данном предложении оценка осуществляется по количественным параметрам, и ситуации не целиком аналогичны, а только в некоторых аспектах. Поэтому наша версия перевода выглядит так: «*Несколько схожих черт найти можно: агрессивные акции протеста, напыщенные речи и непоследовательность*».

Генерализация до общей оценки действительно возможна, однако только в случае оценки по цели [1]. Например, вне контекста характеристика *mediocre* – *посредственный* представляют общую негативную оценку, однако в контексте предложения «*The European Parliament, self-aggrandising and mediocre, cannot fill the democratic deficit*». / *Европейский парламент, раздутый и посредственный, не может восполнить дефицит демократии* [15, с. 10], приобретает

импликацию нехватки «ресурсов» для достижения поставленных целей, и вполне можно обойтись без экспликации, например, в виде *«совершенно беспричинно преисполненный чувства собственной важности»*.

Еще одним способом аргументации в поддержку ценностей является *апелляция к образцу, т. е. к идеалу* [4]. Интересно, что часто таким образом служит не идеал экономической системы согласно каким-либо теориям, а гораздо более знакомые рядовому читателю структуры: семья, спортивная команда, войско, стая, человеческий организм и т. д. Другими словами, в статьях экономического дискурса широко используются метафоры. Соответственно, на лингвистическом уровне переводчик также сталкивается с проблемой, как переводить метафоры: калькированием, деметафоризацией, реметафоризацией [5]. Однако функциональная доминанта, аргументация, накладывает некоторые особенности, заставляя говорить о переводе метафор как факторе прагматической адекватности.

Прежде всего необходимо помнить, что метафоры несут в себе имплицированные ценности, поэтому совсем отказаться от них, никак не компенсируя деметафоризацию, нельзя. Кроме того, метафоры почти всегда выстраиваются автором в некоторую образную систему, соответствующую его замыслу, поэтому выбрать оптимальную стратегию можно только с учетом общего контекста статьи, причем стратегия должна быть одной и той же для всех метафор образной системы, или, если это не представляется возможным, хотя бы выстраиваться в какую-либо образную систему, но соответствующую ценностному стереотипу автора, его интенции.

Например, на протяжении статьи [15] используется образ *«intoxicated politicians»*: политики пререкаются из-за пустяков (*squabbling*), когда все рискует направиться в головокружительную бездну (*downward spiral*), и им чрезвычайно необходимы какая-либо отвлекающая мысль (*sobering thought*) и более надежная почва под ногами (*sounder footing*). Рациональность политиков, таким образом, ставится под большой вопрос, и их обвиняют в безответственности. Однако, согласно некоторым исследованиям [5], метафора *«intoxication»* не характерна для русского экономического дискурса, и по данному переводу можно понять почему: культурные ассоциации несколько отличаются, и политики представляются в этой ситуации не столько безответственными, сколько беспомощными. В одном из

найденных переводах этой статьи [10] было предложено решение сменить образ политиков в состоянии алкогольного опьянения на образ нерадивых родителей, что подчеркивалось фразами: *погрязли в распрах*, могут позволить себе *занять из-за вещей*, которые *удручающе неактуальны*, сыплют *злыми взаимными упреками*. Таким образом, актуализируется оценка политиков как безответственных.

В вопросе перевода метафорических оценок в рамках аргументации прагматическая адекватность находится в тесной связи со стилистической адекватностью. Ведь если коммуникативная цель автора, прежде всего, наладить контакт с читателем-обывателем, когда речь идет о социальных проблемах, он будет использовать менее высокий стиль и задействовать ценности не из мира идеального, в отличие от ситуации, когда автор пытается навязать определенный образец. Ценности имеют иерархию и, по большому счету, она повторяет иерархию пирамиды потребностей Маслоу (рис. 1) [7]. Соответственно, в первом случае, чтобы «присоединиться» к системе ценностей обывателя, будут

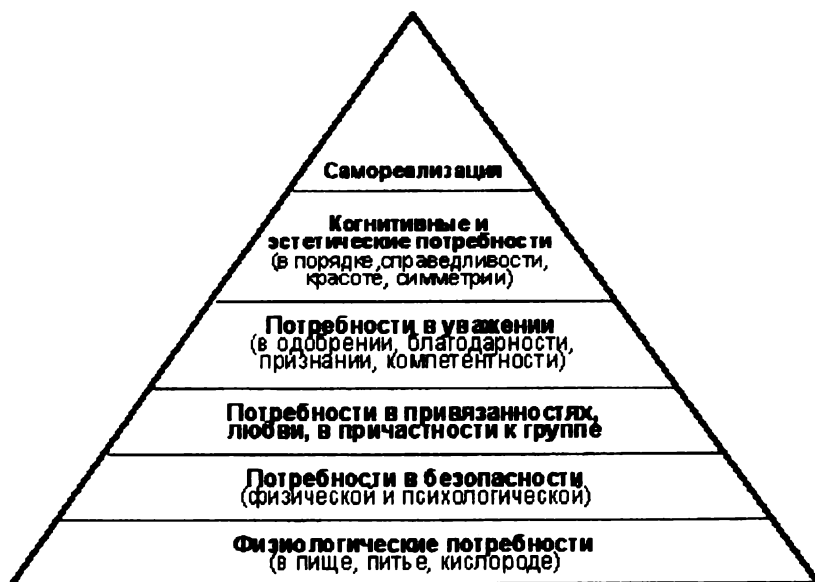

Рис. 1. Пирамида потребностей Маслоу

использоваться ценности основания пирамиды – гедонистические, сенсорные, психологические. Например, *To the man-in-the-street, all this smacks of a system that has failed. Many voters feel instead that they got an economy that was rigged in favour of a financial elite, who took all the proceeds in the good times and then left everybody else with no alternative other than to bail them out* [13]. Хотя данные сенсорные оценочные идиомы передать без деметафоризации сложно, можно применить компенсацию в пределах данной смысловой фразы и метафоризировать нейтральные единицы. Для простого человека все это **признаки** системы, которая оказалась **несостоятельной**. Избирателям кажется, что вместо процветания они получили экономику, перекошенную в сторону финансовой элиты, которая **снимает все сливки** в хорошие времена и оставляет всех остальных **расхлебывать оставшуюся кашу** [11].

Пытаясь навязать определенную систему ценностей, автор скорее будет оценивать ее в терминах эстетического или даже трансцендентного, применит аргументацию к вере. Последнее в экономическом дискурсе встречается достаточно часто, благодаря такому феномену как протестантская трудовая этика, которая подразумевает, что расточительность и бедность – одни из главных грехов. Например, *...reducing the borrowing costs of the profligate could increase them for the virtuous and reduce the incentive for reform* [14]. Однако совместить аргумент к вере с аргументом к экономической значимости (в контексте русской культуры) – очень сложная задача. Можно прибегнуть к модуляции и перевести – «Сокращение стоимости кредитования для состоятельных граждан может увеличить ее для необеспеченных и снизить актуальность реформы». Но в такой форме не содержится аргумента не только к вере, но и к ценностям вообще. Оценочные же слова «богачи» и «бедняки» нарушают стиль статьи. Культурные особенности ставят переводчика перед сложным выбором.

Таким образом, передача аргументации к ценностям сложна не только многоаспектностью проблемы, но и тем, что переводчик оказывается между двух ценностных миров и испытывает аксиологический когнитивный диссонанс. Это то, что делает рассматриваемый вопрос актуальным, подчеркивает важность исследований в данной области. Ведь при интерпретации и передаче аксиологического аспекта аргументации переводчик становится, в

какой-то степени, «изобретателем новых (для культуры языка перевода) ценностей».

Литература:

1. Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) [Текст] / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания, 1989. С. 74-91.
2. Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности [Текст] / Ю. В. Ванников // Текст и перевод. М., 1988. С. 34-37
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. М.: Наука, 1985. 226 с.
4. Ивин А. А. Основы теории аргументации. [Текст] / А. А. Ивин. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 352 с.
5. Колотнина Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе [Текст]: дис. ...канд. филол. наук / Е. В. Колотнина. – Екатеринбург, 2001. 261 с.
6. Мюнх Р. Взаимопроникновения экономики и морали [Электронный ресурс] / Р. Мюнх // Библиотека РГИУ. – URL: http://www.sbiblio.com/biblio/archive/munh_vzaimopronikekon/ (дата обращения 4.12.2011)
7. Холлифорд С., Уиддет С. Мотивация / С. Холлифорд, С. Уиддет. перевод с англ. ООО "Пароль". — М.: ГИППО, 2008. 352 с.
8. Худякова Н. Л. Аксиологические основы поведения человека: учеб.пособие / Н. Л. Худякова. Челябинск: изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. 109 с.
9. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты [Текст] / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988 . – 216 с.

Список использованных примеров:

10. Как спасти евро [Электронный ресурс] // Бесплатный Форекс Сайт, 26.09.2011. – URL: forex2.info/content/как-спасти-евро (дата обращения: 27.10.2011)
11. Ненависть к машине [Электронный ресурс] // Бесплатный Форекс Сайт, 24.10.2011. – URL: www.forex2.info/content/ненависть-к-машине (дата обращения: 27.10.2011)

12. Трое - уже толпа [Электронный ресурс] // Бесплатный Форекс Сайт, 09.07.2012. – URL: forex2.info/Forex-The-Economist-09072012 (дата обращения: 27.08.2012)
13. Capitalism and its critics. Rage against the machine [Electronic resource] // The Economist, Oct. 22nd 2011. – URL: <http://www.economist.com/node/21533400> (usage date: 27.10.2011)
14. Charlemagne. The end of Monnet. The debt crisis is exposing problems in the basic design of the European Union [Electronic resource] // The Economist, Sep. 3rd 2011. – URL: <http://www.economist.com/node/21528269> (usage date: 27.10.2011)
15. Europe's currency crisis. How to save the euro [Electronic resource] // The Economist, Sep. 17th 2011. – URL: <http://www.economist.com/node/21529049> (usage date: 27.10.2011)
16. Monetary policy. Three's company [Electronic resource] // The Economist, Jul. 5th 2012. – URL: <http://www.economist.com/blogs/freeexchange/2012/07/monetary-policy-1> (usage date: 27.08.2012)

В. А. Разумовская,
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия

Вторичные художественные тексты и двойственность перевода

Не вызывает сомнения, что очевидный и непрекращающийся прогресс человеческой цивилизации напрямую связан с постоянно расширяющейся и развивающейся (как количественно, так и качественно) многоаспектной переводческой деятельностью, соединяющей в себе теорию и практику. Значительное место в данном исторически значимом и традиционном виде коммуникативной деятельности человека принадлежит художественному переводу, находящемуся непосредственно в области пересечения таких творческих видов интеллектуальной и эстетической деятельности как наука и искусство. Многовековая история художественного перевода хронологически соотносится с этапами духовного и культурного развития человечества,